

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К 60

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна
Просто игра : рассказ / Наталья Колесова ; Центральная
городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий
городской клуб любителей фантастики «Контакт». –
Новокузнецк, 2016. – 32 с. : ил.

Наталья КОЛЕСОВА

Просто игра...

Рассказ

Жизнь течет, как вода,
в полупризрачном сне,
в том, что мы по ошибке
считали игрой...
(Песня)

Новокузнецк
2016

© Наталья Колесова
Рисунок на первой странице обложки – автора

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна родилась в Новокузнецке. Закончила филологический факультет Кемеровского университета. В КЛФ «Контакт» пришла в 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация – повесть «Голубая пантера» – в газете «Новокузнецк без политики» в июле-сентябре 1996 г. Пишет и нефантастическую прозу.

В конце 2007 года в московском издательстве АСТ вышел роман Натальи Колесовой «Карты судьбы». В 2009 году вышел роман «Прогулки по крышам», в 2011 – роман «На хвосте удачи», в 2013 (уже в издательстве «Эксмо») – роман «Грани Обсидиана». В 2014 году вышел в свет роман «Сказки Волчьего полуострова. Король на площади», в 2015 году – «Призрачный роман».

Как бы перехватить сотню с бабушкиной пенсии Машке на осенние сапоги. А если выгрести бутылки из-под пива с кладовки, отскрести, отмыть, отыскать, где их принимают за деньги, а не на обмен товара, может хватить на обеды в школе... И ещё...

Эти сложные расчёты прервал резкий голос прямо над её головой:

– Светлана Владимировна!

Вздвогнув, она вскинула глаза, заполошно схватилась за раскрытую папку.

– Да?

– Отчет отослали?

– Ещё нет...

– Когда будет готов?

– Ну-у...

– Вы знаете, что он должен быть отослан ещё вчера?

– Да, но...

– Вот и прекращайте витать в облаках и займитесь, наконец, своими обязанностями! Понимаю, что вы женщина одинокая, но на работе нужно думать о работе!

Добрый вечер, мрачно подумала она, глядя в спину уходящего начальства. Да что ж я всё время язык-то проглатываю? Данные дали всего полчаса назад, а на одну только обработку уйдет целый день... И какова стерва – как это ввернула насчет одиночества! П-проститутка старая! То ли настроение ей кто испортил, то ли снова сокращение намечается... Коллеги поглядывали кто с сочувствием, кто с усмешкой, но комментировать не пытались – Марковна стояла в дверях, с кем-то переговариваясь в коридоре. Ну ладно, выкинуть всё из головы, дожду сегодня как-нибудь, возьму домой наконец...

Она повернулась к компьютеру и поморщилась: опять Машка письма сбрасывает, лучше бы уроки до её прихода сделала! Нетерпеливо щёлкнула «вводом» – конверт раскрылся, описав плавную дугу, и в глаза бросилось напечатанное чёрным жирным шрифтом: «Кошка!»

Светлана Владимировна откинулась на спинку кресла, задумчиво разглядывая расплывающееся, как клякса, слово. Отчёт мгновенно перестал для неё существовать – вместе со всем остальным миром. Из кляксы вновь появилось: «Кошка!», наплывая, заполняя весь экран, нетерпеливо, чуть ли не угрожающе.

«Yes».

«Игра 13-го. Игровое время: 1-2 суток. Полигон: комбинат. Тема: "Зона" АБС. Рекомендуемая литература: А. и Б. Стругацкие, Пикник на обочине. Оргвзнос: 100. Отказ: не принимается. Мик.»

Светлана сняла очки и устремила усталые, неопределённого цвета глаза на тёплое августовское небо. Трезвый Мик лаконичен до неприличия. Первое послание за несколько месяцев и ни здравствуйте тебе, ни до свидания, рассеянно раздумывала она, уже машинально прикидывая, какой 13-го будет день недели, можно ли забросить Машку бабушке на двое суток и...

И остановилась. Стоп, стоп, стоп. Ты уже в прошлый раз решила – всё, пора завязывать. Бабе под сраку лет, ребёнок на шее, лучше бы подработку нашла. А её – только пальцем помани – готова сорваться и нестись сломя голову на дурацкие игры, от которых нормальный человек только пальцем у виска покрутит – и плевать на дочкины сапоги, последние деньги спустит, чтобы провести пару-тройку дней в компании таких же идиотов...

Она говорила это себе и понимала – бесполезно, в воздух, в пустоту потому что тело, уставшее, отупевшее от сидячих дней, месяцев, подбиралось, становилось настороженно-звериным, уже пальцы мягко постукивали по столу, вспоминая беззвучную азбуку; а сошуренные, словно ставшие зорче глаза следили, как на экране разворачивается следующее послание – кто-то упал на хвост мастеру, хакеры несчастные! – на этот раз без подписи: «Кошка! В этот раз я тебя урою!»

Светлана Владимировна улыбнулась. Потянулась к клавиатуре медленно, со вкусом, с расстановкой, громко клацая клавишами, напечатала ответ из трёх вполне приличных букв, образующих ну очень неприличное слово...

Еле-еле уложив вяло сопротивляющуюся Машку – дочь зевала во весь рот и ныла только исключительно из природной вредности, – она долго и тщательно мыла посуду, упорно стараясь не смотреть в сторону компьютера и всё же то и дело кидая на мирно светящийся монитор быстрые «незначайные» взгляды. Какого рожна тебе ещё надо? Что тебе, персоналки мастера мало? Решительно повернувшись к экрану спиной, она поставила табуретку и достала с антресолей старую спортивную сумку. Села тут же на пол, неторопливо доставая прикиды. Кольчуга из ковровых колец в полный рост... ведь таскала же на себе такую тяжесть, уму непостижимо... первый деревянный меч... Есть же коллекционеры, которые с руками отрывают реликвии первых Хоббитских Игрищ – музей, слышно, организуют да книги пишут – продать, что ли? А если сюда прибавить плату за тренажеры,

посещение через знакомых ментов стрелкового тира... Надо завтра пристрелять пневматику, да и побегать по вечерам бы не мешало – совсем закисло. Где-то тут была схема комбината с прошлогодней игры... Пожалуй, надо смотаться туда, припомнить, что там к чему... Ага, вот она! Не сводя глаз со схемы, она машинально натягивала кошачий прикид – пятнистые штаны, черную водолазку, камуфляжную куртку со множеством карманов, высокие ботинки, ремни, перчатки... Поднявшись, вышла в коридор, к большому зеркалу, на ходу надевая маску.

На неё смотрела Кошка. Гибкая, чёрная, сильная. Повернулась медленно, поблескивая зелёными в прорезях маски глазами, внимательно оглядывая себя: слава Богу, не расплылась, никаких лишних складок и чёрт с ней, с зарядкой... Она присела, пружиня, на шпагат, сделала несколько разных гере – нигде не жало, не тянуло, не мешало, не давило... Сзади пискнул компьютер, у Светланы ёкнуло сердце. Махом оглянувшись, уставилась на экран. Подошла, как загнипнотизированная. Коротко вздохнув, нажала «ввод». Может, это опять Мик... или... На экране таяла улыбка.

«Кошка, здравствуй. Набираю команду. Идешь?»

Она оперлась о стол рукой с зажатой в ней маской и отпечатала – с жутковато-сладким чувством, похожим на то, с которым бросаешься в ледяную воду.

– Иду.

С Улыбкой они играли второй год – до того в миковских «игрушках» Кошка переходила из команды в команду, а то и вовсе была вольным стрелком одиночным ролевиком – по своему желанию или хотению Мика-мастера, любящего перетасовывать людей и смотреть, что из этого получится. Собственно, этого парня Кошка и не помнила – каждый игровой сезон приходила куча новичков и большинство из них ничем особенным не выделялось... После окончания «Бури в пустыне», как пышно обозвал свою игру Мик – обыкновенную «войнушку» с террористами, арабами, ЦРУшниками, КГБшниками, заложниками, похищенным атомным оружием и прочими прелестями – Кошка забрела в Перекрёсток. Вообще-то она редко это делала: послеигровое обсуждение зачастую превращалось в натуральные разборки вплоть до мордобитья... Но в этот раз Игра получилась на диво и разбегаться просто так не хотелось. А посему народ засел в ролевушном кабаке-клубе, делясь впечатлениями и претензиями. Как водится, последних было больше, и когда Кошка с ЦРУшниками явилась в Перекрёсток, там уже стоял вселенский ор – враждующие стороны обвиняли друг друга в несоблюдении правил и недосчете «хитов» – игровых жизней – и все

дружно нападали на «мастеров-козлов». Мик, не потерявший энергии и сил за несколько месяцев подготовки к Игре, успешно отбрехивался, подмастерья обижались и орали «сам дурак!», кто-то спал, кто пил, кто-то обменивался адресами – словом, всё было, как обычно.

ЦРУшники подались резко вправо – к спасённым заложницам – и сравнив их хорошенькие рожицы со своей грязной кошачьей мордой, Кошка пошла к своему столу у стойки – оттуда был виден весь Перекрёсток. Вправду сказать, мнение о ЦРУ у неё сложилось препоганое – команда была сборной, с бору по сосенке, склочной, без конца борющейся за лидерство; удивительно, как они не перебили друг друга ещё до встречи с террористами – и Кошка была рада от них отдохнуть. Хотя она не относилась к «загруженным» игрокам, которые полностью включались в Игру и которых после её окончания приходилось чуть ли не под локотки водить в туалет и обеспечивать им прочие жизненные надобности, в этот раз Кошка выложились здорово и единственное, что ей сейчас было нужно – еда, пиво и молчание.

Вообще-то стол был мастерский, но Мик сейчас был занят перетягиванием с игроками, да и питал к Кошке некоторую слабость, а посему она, бесцеремонно сдвинув посуду, кинула на сиденье куртку и сумку и пошла к стойке. Барменша Катя – Кэтти – была женоненавистницей. А так же ненавистницей домашних животных. Увидев, что неприятный ей экземпляр, единый в двух лицах, приближается к её драгоценной особе. Кэтти немедленно повернулась к залу обширным задом. Кошка оперлась об исписанную автографами стойку, разглядывая этот зад и раздумывая лениво, что будет, если пухнуть в него: может, похудеет? Двое парней, разговаривающих неподалеку, мельком взглянули на Кошку, один – светловолосый – кивнул, здороваясь. С запозданием Кошка кивнула тоже: явно не из игроков-ветеранов, а с новыми она была плохо знакома. Парень позвал:

– Эй, Кэтти, хозяйюшка!

Та мгновенно развернулась.

– Нам повторить, а девушке... что тебе?

– Пиццу и пиво.

– Пиццу и пиво, – повторил парень.

Кэтрин стрельнула карим глазом.

– Домашним животным вход воспрещён, – она налила парням по полстакана и катнула по стойке еле успевшей поймать заказ Кошке. Закончила мрачно:

– Штраф – стольник.

– Мик заплатит, – уведомила Кошка, убираясь на своё место.

Уплетая пиццу, разглядывала Перекрёсток. Известный клуб ролевиков никогда не пустовал: здесь собирались на «загруз» перед

Игрой, на обсуждение – после и на тусовки – вместо. После прогремевшего на полстраны миковского «Маскарада» у игроков, в нём участвовавших, стало хорошим тоном приходить сюда в масках, потом эта мода перекинулась и на молодёжь, и на остальные миковские игры. Хотя за окнами был день, здесь всегда царил задымлённый полумрак и несмотря на то, что в Перекрёстке постоянно хлопали двери, воздух сюда почти не проникал и пахло здесь книгами, дымом, кожей, металлом... Светлане Горецкой стало бы дурно, а Кошка тащила от этих запахов, как натуральная кошка – от валерьянки. Здесь пахло Игрой...

– Можно?

Кошка подняла глаза – давешний парень. Кивнула с некоторой настороженностью: судя по прикиду, он был одним из террористов, которых и замочили ЦРУшники. Пришёл права качать? Парень сел, поставив перед собой бутылку «Балтики», закинул руку за спинку и стал смотреть на Кошку. Кошка стала давиться, а устав это делать, сказала невежливо:

– Ну?

– Классно играешь, Кошка.

Кошка хлопнула пару раз глазами и согласно кивнув, облила пальцы.

– Меня зовут Улыбка, – сказал парень, зорко высматривая встречную улыбку.

Кошка пожала плечами.

– Бывает...

– Я капитан террористов.

Она взглянула с интересом: что-то такое Мик говорил об их командире... Хвалил. Парень как парень – рост средний, телосложение среднее, подбородок крепкий, глаза в прорезях маски кажутся тёмными, волосы густые, светлые... Парень, поглядывая по сторонам, хлебнул пивка.

– Удачная игрушка, да?

– На диво, – хмыкнула Кошка.

– Ты, говорят, на всех миковских играх была?

– Не считала.

Кошке хотелось спать, хотелось молчать, и она вовсе не собиралась быть любезной – если Улыбка пришёл потреться, пусть ходит мимо... Но Улыбка и сам не казался очень разговорчивым, и Кошка настолько свыклась с его молчанием, что даже не поняли смысла услышанного:

– Что?

– Пойдёшь к нам в команду? – Улыбка отставил бутылку и подался к ней через стол. – Костяк более-менее один: я, Шустрик, Арнольд, Хан, Рагнар... Сыгрались. Пойдёшь к нам?

Кошка машинально взяла его бутылку, хлебнула. Улыбка внимательно следил за ней сквозь прорези маски.

– С чего это вдруг?

– Я же говорю – играешь здорово. Понравилась.

– Кому?

– Нам, – терпеливо сказал Улыбка. – Давай в следующий раз... что там у Мика? «Мауи»?.. к нам. Может, сыграемся.

Кошка двинула бровями, автоматом допивая его пиво: звали её не в первый раз, но редко в сложившуюся команду – характер у неё был не сахар и язык не мёд. Уж слишком Кошка любила гулять сама по себе. Но и отказывать особой причины не было: всем известно, что новички – народ "энтузиастичный", ответственный и играет честно. А уж какой Улыбка капитан – посмотрится.

– Ну ладно. Интернетовский адрес у Мика. – Кошка встала. Машка, наверное, уже заждалась. – Пока.

Улыбка – господи ты боже мой, джентльмен! – поднялся тоже.

– Тебе в город? Хочешь, подбросим?

– Сама доберусь.

Она пошла к выходу.

– Кошка!

Оглянулась.

– Сыграемся! – сообщил ей Улыбка, подымая бутылку, словно тост.

Кошка махнула рукой.

– Увидим...

Сыгрались.

Она уже в который раз вытряхнула сумку, раздумывая, что оставить. Удивительно, как много требуется вещей, хотя собираешься всего-то на два-три дня... Слава Богу, не в лес, как вспомнишь эти рюкзаки да чехлы с мечами... Будут местные и несколько команд из ближайших городов. На регионалку не тянет, да Мик, похоже, и не шибко стремится – последняя игра на полигоне в этом году, разве что кто из мастеров пожелает сделать «павильонку»... Ломая голову над неразрешимой задачей – брать резиновые сапоги или нет – Светлана рявкнула в трубку не вовремя звонившего телефона:

– Да! О, Серёж, привет...

– Слушай, – бодро сказал ей нынешний... как это у Хмелевской... хахаль? – Я завтра спихну своих на дачу. День куда-нибудь Машку, я к тебе приеду. Что брать? Шампанское, вино? Слушай, приготовь мясо по-французски, оно у тебя обалденно выходит...

Она слушала и всё больше ощущала себя преступницей.

– Ой, Серёж, я завтра не могу... и в воскресенье. Меня не будет в городе. Понимаешь, очень важная встреча...

– Так отмени! – нетерпеливо сказал он. – Я же отменил. Ну, Свет, в кои-то веки подвернулась такая возможность, а ты... Светик, я соскучился, очень соскучился. Давай, отменяй всё, хорошо? Свет, ну что за дела, я с таким трудом всё устроил...

Ну да, думала она, слушая его терпеливо-раздражённый голос. Наконец-то выделили мне время между своей семьей и субботним футболом, а я, сволочь неблагодарная, не виляю хвостиком и не визжу от радости...

– Нет, Серёж. Извини. Я не могу. Правда, не могу.

Пауза.

– Да? Ну ладно. Я всегда готов для тебя на уступки, а ты мне навстречу идти не хочешь. Ну что ж... счастливо отдохнуть. Пока.

– Пока, – сказала она в загудевшую трубку.

Похоже, личная жизнь опять насмарку... А, да провались эти проклятые сапоги, не сахарная, не растаю!

Стол у стойки был занят – обернулись все разом, словно их окликнули или они оборачивались на каждый хлопок двери? Чувствуя, как на её лице расцветает неудержимая улыбка. Кошка, кивая по сторонам, дошла до своей команды. Шустрик ухватил её за ремень, притянул, приподнялся, смачно чмокнул. Кошка демонстративно вытерла рот. Обошла Арнольда, вяло пошевелившего в знак приветствия пальчиками. Тот, слегка повернувшись, сказал гнусаво:

– Мальчик, уступи леди место...

Сидевший на её месте парень легко выпрыгнул со скамьи, сказав на ходу:

– Привет, Кошка!

Кошка, мотнув головой, села. Продолжая разговаривать с соседним столом. Улыбка стягивал перчатку. Протянул руку, крепко пожав кошкину ладонь.

– Арнольд, детка...

Арнольд медленно встал и с отсутствующим видом приволок от стойки пиццу. Не спрашивая, налил Кошке полстакана, плеснул понемногу в остальные. Кошка огляделась.

– А где Хан?

– Не будет, – доложил Шустрик. – У него дочка родилась. Рыжая!

Кошка невольно заинтересовалась. Хан был черноволосым азиатистым парнем.

– Да ну? В кого?

– В соседа! Так что он пока из дому ни ногой! Носится с бутылочками, сосками, пелёнками... Папаша!

– Семья как гибель толкинизма! – мрачно резюмировал Арнольд боднув своим стаканом стакан Кошки. – Поехали – за новорожденную Аньку Игоревну!

Парни общались и по жизни, но Кошка, хоть и испытывала лёгкую зависть и ностальгию по тусовочности первых игровых лет, поддерживать отношения не стремилась – отчасти из желания как-то упорядочить свою жизнь (как же, ведь Роман не одобряет!), отчасти из-за некоторого возрастного комплекса: игроки, как правило, были много моложе... Правда, иногда болтала с ними по сети – особенно часто с неугомонным Шустриком.

– Сунули нам замену, – сообщил Арнольд, вкусно закусывая. – Новичка. Улыбка в жребий вытянул, пальцы бы ему пообрубить до самых колен... У Мика новые заморочки – сопляка в нагрузку.

Сам Арнольд играл второй год и на том основании считал себя ветераном. Здоровенный парень с белыми коровьими ресницами и почти бесцветными глазами. Кошка боялась, что так и не привыкнет к его гнусавому тонкому голосу. Привыкла.

– И как нагрузка?

– А вон она... – с отвращением сказал Арнольд. Шустрик пропел, глядя через плечо:

– Мы не хиппи, мы не панки...

– Хай! – весело сказал парень, бросая у стола задрипанный рюкзак.

– И тебе хай, – вежливо согласился Шустрик. – Вот это наше подрастающее поколение, Кошка.

Кошка прикусила щеку. Цветастые джинсы, бесчисленные – по локоть «фенечки», серьги в ушах, бандана поверх длинных нечёсанных волос... Вот приведёт однажды дочь такое сокровище, подумала Светлана. Отпад, подумала Кошка.

– О! – сказал парень радостно. – Кошка! Ты, говорят, в спецназе служишь?

Арнольд подавился очередной котлетой и часто заперхал. Кошка гулко хлопнула его по чугунной спине.

– И что?

– Круто! – парень увалился рядом с Шустриком, не сводя с неё расширенных глаз. – Это ты в прошлый раз Дэна урыла?

– Это какого? – заинтересовался Шустрик. – Их же на Игре, как собак нерезаных!

– Попробуй всех урой, – поддержал Арнольд.

– Ну этого, как его... с Н-ска...

– А, этого! – пренебрежительно махнул рукой Шустрик. – Да наша Кошка его одной левой!

– Одним плевком! – поддакнул Арнольд.

Кошка посмотрела на Улыбку. Капитан сидел, прислонившись спиной к стене, поглядывая то на зал, то на свою команду. И молчал.

Кошка протянула руку, и Улыбка привычно полез за сигаретами. Новичок его опередил – сунул в ладонь Кошки помятую пачку.

– Угощайся!

Она понюхала сигарету и посмотрела на Улыбку. Тот взял пачку и сунул в карман своей куртки.

– У-уй! – сказал парень, тараща глаза.

– Торчать будешь после Игры! – спокойно сообщил Улыбка. – Играешь натрезвяк.

– Нет, ты че, мент, или кто? У вас что тут? Детский сад, что ли?

– Ясельки, – ласково сказал Шустрик, пока Улыбка с отсутствующим видом застегивал клапан кармана. – Будешь хамить капитану, до Зоны не дойдешь. Имя у тебя есть?

– Антон, – пробурчал парень. – Энтони.

– Какой ты, на хрен, Энтони, Лох ты! – информировал Шустрик. – И Лохом останешься до конца Игры. Понял?

Кошка наконец прикурила сигарету от улыбкинской зажигалки. Затягиваясь, пригляделась – капитан, слегка засмутившись, потёр левое ухо. Блеснули две серьги – гвоздик и колечко.

– Ну и ну, – только и вымолвила Кошка.

– А у нас теперь униформа такая, – сообщил Арнольд. – Я вот решил кольцо в нос вставить.

– Ты и так гундосишь.

– Я не гундосю! – с достоинством возразил Арнольд. – У меня хранцузский прононс!

– Прононс у него...

– И вместо кошачьего отряда нас будут называть голубым отрядом, заметил Шустрик.

– Отряд голубых, – мечтательно сказал Арнольд.

– Армия любовников, – в тон ему произнёс Улыбка.

– Вы как хотите, а я не пидор! – обиделся, а то и встревожился Лох. Шустрик начал оглядывать его с преувеличенным интересом.

– Да? Будет время проверить...

Лох отскочил от него, как ошпаренный.

– Бутылку возьми! – крикнул ему вслед Шустрик. – Обмоем твоё вступление в армию любовников!

И тут же сунулся к Улыбке.

– Дай затянуться!

– Слыхал – после Игры, – сказал Улыбка.

– Да дай, не жопься, я быстро!

– Вонять будет, – сказала Кошка.

– Непедагогично, – заметил Арнольд.

– Да ни хрена он не учует! Видали у него зрачки? Ну, быстро!

Улыбка достал сигарету, прикурил, медленно затянулся и отдал Шустрику. Тот сделал несколько глубоких быстрых затяжек и сунул Арнольду. Арнольд поднял широкую ладонь.

– Пропускаю.

– Кошка?

Она с сомнением повертела сигарету. Анашу она не курила. Да и вообще не курила – по жизни. Затянулась. Передала Улыбке. Он отдал Шустрику. Воровато оглядываясь, тот быстренько докурил и помахал в воздухе рукой, символически разгоняя приторно-сладкий дымок.

– П-педагоги, – проворчал Арнольд.

– Ш-ш-ш, – шикнул Шустрик, – мастер говорить будет!

К стойке и вправду выбрал Мик. Был он, как обычно, огромен, грузен и бородат. Привалившись спиной к стойке, Мик с минуту смотрел в зал. Уяснив, что большинство не соизволило обратить на него внимание, он поднял лапу и гаркнул:

– Нарр-род!

Игроки не сразу, но поутихли, в зале послышалось дружное движение: кто поворачивался, кто вставал, кто проходил ближе...

– Рад вас всех видеть!

– У-у-у!

– Хай-хай!

– И мы, Мик!

– На Игру заявилось порядка восьмидесяти человек. Играем, как вы знаете... надеюсь, что знаете... по «Пикнику...» Стругацких. Полигон площадью десять на пятнадцать, игровое время – сутки-двое. Общая игровая задача – обнаружение Золотого Шара. Большинство сталкеров –новички. Лишь у ветеранов есть карты Зоны, но далеко не полные. Команды, заботьтесь о проводнике или будете безвылазно сидеть в Стране мёртвых. Пребывание в ней, кстати, шесть часов.

– У-у-у, Мик!

– Жестоко, мастер!

– Ничего-ничего, учитесь ценить жизнь – свою и чужую. Напоминаю, что можно вынести из Зоны помимо Шара: чёрные брызги, зуду, пустьшку, ведьмин студень, смерть-лампу... образцы на стойке. Дорога проверяется гаечками, число которых ограничено. Новичкам рекомендую поучиться в школе Стервятника... то бишь меня... за умеренную плату, разумеется. Господа сталкеры, за вами будут охотиться полицейские,

если поймают – срок отсидки четыре часа. Не забывайте и про ловушки – жгучий пух, комариная плешь мясорубка... Если кто угодил в ведьмин студень – не обессудьте – за полчаса не доберётесь до врача – милости просим в мертвятник. Время в Зоне тоже ограничено – не надейтесь зависнуть там на весь световой день, через четыре часа загнётесь. Ученые Института – ваш командный мастер Синди, прошу любить и жаловать. И ещё раз о Правилах – Правила надо знать.

– Вот это что-то новенькое! – заметил Улыбка. – Покажите мне хоть одного игрока, который бы до конца изучил Правила...

– Или мастера! – поддержала Кошка.

– А вообще – как сыграете, такую и получите Игру! И запомните: на этой Игре мастера – не козлы!

Бросив этот последний лозунг во взревший народ, Мик повернулся к своему столу. Втиснулся между Кошкой и Арнольдом, подвигался, умащивая мощные телеса, похлопал приветственно соседку по заливке и сказал с удовольствием:

– Привет отряду кошачьих!

– Класс млекопитающих, подкласс хищников... – пробормотал выжатый Арнольд, пытаясь втиснуть назад свою задницу. – Мик, тебя так много, а ты ведь ещё и не пил...

Кончилось всё тем, что ворчащий Арнольд притащил стул и уселся в торце стола. Образовался тёплый круг, в котором немедленно появились новая бутылка, раскрытые банки консервов и даже притащенная неведомо кем трёхлитровая банка огурцов.

– За мастера, за мастера, – приговаривал Шустрик, разливая. – За нашего великого – во всех отношениях – мастера!

Зазвенели дружно сдвинутые стаканы. Шустрик выдрал водку из поднятой руки Лоха.

– Пионерская норма!

– Они теперь не пионеры! – заметил шумно хрустевший огурцом Мик. – Они теперь эти... как их... скауты! Ты скаут, ребёнок?

– Я трезвенник! – мрачно сказал Лох, наблюдая, как исчезает одержимое его стакана в шустриковской глотке.

– Эт-то правильно! – одобрил Мик. – На Игре надо быть трезвым и злым.

– Тогда ты, Мик, – рассудительно сказал Арнольд, – много не пей. А то будешь с похмелью трахать нас всяческими способами.

– Я – с достоинством объявил Мик, – ориентации не менял. Вот с Кошкой я бы с великим удовольствием!

Кошка ещё скучающе вела глазом, а сидевший напротив Шустрик, откинувшись назад, описал ногой в старой кроссовке дугу в миллиметре от миковской физиономии. Поднялся ветер.

– Базар фильтруй, Мик, – сказал вполне миролюбиво, – а то как бы тебе бороду не обрили!

– Кстати, – сказал рослый парень, остановившийся у стола с бутылочкой пива, – а как у нас отыгрывается изнасилование?

Кошка откинула голову, окидывая его взглядом: волевая челюсть, крепкий лоб...

– Мик, а как у нас отыгрывается отрезание яиц?

Первым ухнул Мик. Потом заржал весь стол. Парень – делать нечего – усмехнулся тоже, постоял ещё, выжидая приличествующую паузу, и отошёл.

Игра, как обычно, началась до Игры. Уже заключались пакты о ненападении, скупщики сулили большие барыши, уже дипломат и интриган Шустрик уходил и говорил с известными и неизвестными людьми; возвращался очень довольный, вклинивался в беседу, выпивал и снова исчезал. Мик только отмахивался от игроков, пытающихся что-то уточнить у него по Правилам:

– К командным мастерам, дети мои, к мастерам!

В голове было пусто, звонко и гулко. Кошка вертела стакан и размышляла, почему такие дозы не валят её с ног. Обычно ей хватало одной рюмки.

– А помнишь, – говорил Мик, приобняв её за плечи, – первые Хоббитские? Эльфы...

– Пильфы, – отсутствующе вставил Улыбка.

– ...орки, Фродо, – зажмурившись, мечтательно продолжал Мик. – Колечко... песня! Эх, где наши годы молодые!

Кошка на самых первых ХИ не была, но коль пришла мастеру охота поностальгировать, слушала с удовольствием.

– То-то я смотрю, ты точно такие игры и делаешь! – язвительно заметил Арнольд, у которого алкоголь наконец добрался до головы и начал портиться характер. – Гибрид «Зарницы» с п-пейнтболом!

– А что? Игры всякие нужны, игры всякие важны... Пусть человек лучше здесь оторвётся, чем на твоей башке в подворотне!

– Психотерапевт ты наш! Бла-адетель! – пропел вернувшийся Шустрик.

– Понимаешь, – говорил Улыбка, потирая покрасневшее ухо, – у меня такая работа... в общем, я всегда должен быть в форме.

Кошка кивнула.

– Метрдотель?

Улыбка хмыкнул.

– Ну, где-то рядом... – ей пришлось податься через стол, потому что над левым ухом продолжали дискутировать два гиганта.

– А мне это уже – вот где! Особенно после Игры – так, знаешь, хочется что-то изменить...

Кошка знала. Два года назад после Игры она наконец подала на развод с Романом и, как ни странно, до сих пор об этом почти не жалела.

– Ну вот и... – Улыбка вновь потер ухо. Кошка отвела его пальцы.

– Спиртом протирай.

– Водкой можно?

– Хоть пивом

Пьяная идиотка, подумала Кошка, обнаружив, как уютно устроилась её рука в улыбкинской тёплой, бьющей током ладони. Правда, дальше самокритики дело не пошло...

– Ну и как на это посмотрели на твоей работе?

Он засмеялся:

– Радостно!

Кошка представила, как приходит на работу в ярко-розовых «бермудах» и ядовитой «кислотке» с вырезом до пупа и завистливо вздохнула:

– Везет же некоторым! У нас сурово – юбка до колен, чулки.

Капитан медленно улыбнулся:

– Чулки? Чулки – это здорово...

Кошка встретилась с ним глазами и, чтобы отвлечься, прислушалась к общему разговору. Общий разговор меж тем катился по излюбленной колее – а почему же мы всё-таки играем?

– В жизни скучно, – говорил Мик, хрустя огурцом. («Говори за себя» – вставка от Арнольда.) – Хочется адреналинчику. А повысить можно по-разному. Геймы компьютерные адреналин повышают? Повышают. Удовлетворение есть? Есть – если выиграешь. Жизненный тонус – ноль. Или вот, к примеру, дали тебе по башке в подворотне...

Улыбка хмыкнул:

– Видно, часто ему в подворотне прилетает!

– Оно и заметно! – поддержала Кошка.

Мик продолжал:

– ...Адреналин? Повысился. Удовлетворение? Есть – если ты мазохист. Жизненный тонус? Нулевой. И что мы имеем в итоге?

– А в итоге мы имеем тебя, Мик, и твои «Зарницы»! – сообщил вновь объявившийся Шустрик. – Будь здоров! Хорошо, что тебя по жизни никто как следует не удовлетворяет!

– А ты зачем на Игры ездишь, Арнольдик?

Арнольд подумал, повёл могучим плечом.

– Здесь можно побыть совсем другим человеком.

– А есть ещё такая болезнь, – услужливо сообщил Шустрик, – раздвоение личности. Шизофрения называется.

Мик поскрёб волосатую шею.

– В своё время знакомые мне такой диагноз и ставили. А потом мне в голову пришла такая интересная мысль: а может, мы-то нормальные, а вокруг одни психи?

– Жить, – сказал Шустрик глубокомысленно, – нужно играя и играть живя.

– Ну совсем-то другим не получается... – с сомнением заметила Кошка.

– Да? – сказал Улыбка. – У меня, например, по жизни очень скверный характер. Просто стервозный.

– У тебя? – неподдельно изумилась Кошка. Улыбка был из тех редких капитанов, которые в случае проигрыша не обзывают свою команду козлами и идиотами, не напрягают демонстрацией своей власти и излишней опекой. Кошка поглядела на потолок, подумала и перегнувшись через стол, спросила:

– А веришь, что я по жизни очень закомплексованная и нерешительная девушка?

Улыбка, подавшийся ей навстречу, беззвучно засмеялся – в полумраке блеснули белые ровные зубы:

– Что девушка – верю!

Кошка перехватила взгляд Арнольда на их сцепленные руки и внутренне ощетижилась – пьяный Арнольд начал язвить всё, на чём фокусировался его взгляд. Но Арнольд, на удивление, промолчал. Выступил обнявший Кошку за плечи Мик:

– Ох, народ, за что же я вас так люблю? Ведь я же вижу вас всего несколько раз в году!

– За то и любишь, – сказала Кошка.

И вот они лежали мордой в землю – кто молча, кто вполне внятно матерясь – попасть на «сковородку» после хорошего получасового броска безо всяких происшествий по «надежной» улыбкинской карте...

Кошка лежала там, где её застал возглас Улыбки – спрятав под себя руки, натянув на голову воротник куртки и одним глазом поглядывая на братьев-сталкеров. Шустрик вертелся, действительно как уж на сковородке, непрерывно ругая Мика, так их уевшего, и время от времени зверски шипел на пытавшегося поднять голову Лоха. Арнольд лежал молча и монументально. Улыбку, упавшего первым, не было видно из-за его мерно дышащей груди... Могло быть и хуже – в конце концов, лежишь на сухой земле, на листьях, черт подери, опять яичники застудишь... И ради того, чтобы полежать мордой в землю на заброшенном комбинате в окружении здоровенных придурков, платишь такие деньги, кидаешь дитя родное, едешь черте куда, наплевав на работу и личную жизнь, и...

– Подъём! – сказал Улыбка, и Кошка одним прыжком оказалась на ногах.

– Все живы? – осведомился севший Арнольд Улыбка, морщась, разглядывал «сковородку» – выжженный круг травы.

– У меня правая рука поджарилась. У Лоха – левое ухо...

– А чё?

– Башкой вертеть не будешь, вот чё! – разъяснил Шустрик.

– ...рекомендую перевязать. А у Шустрика... – Шустрик, отряхивающий штаны, замер. На лице капитана появилась коварная ухмылка.

– ...обгорело причинное место...

– Кошка, перевяжи! – немедленно сказал Шустрик, расстегивая пряжку ремня. Кошка наклонила голову и стала смотреть с подчёркнутым интересом. Пальцы Шустрика двигались всё медленнее...

– Тоже ёрзал, как уж на сковородке, – проворчал Улыбка. – Ладно, задница у тебя обгорела.

Лох безуспешно пытался обмотать ухо и краснел от натуги и Арнольд, всё ещё сидевший на земле, некоторое время наблюдал за ним, потом сжалился:

– Подь сюда, скаут... – и щедрой рукой намотал Лоху на голову белоснежный чепчик. Держась за поясницу, Шустрик бродил вокруг, охами и вздохами демонстрируя свои страдания. Улыбка, орудуя зубами и левой рукой, ловко перематывал правую. Когда она догадалась подойти, осталось только закрепить бинт. Завязать узелок. Кошка осталась стоять рядом – Улыбка вопросительно вскинул глаза, отразившие небо бабьего лета.

– А я, значит, нигде не обгорела?

Улыбка посмотрел на «сковородку».

– Ты – и Арнольд – были на границе круга, – сказал спокойно. – Если хочешь обгореть, в следующий раз падай удачней – в центр.

– Извини, – сказала Кошка, чувствуя себя глупо.

– Нет проблем.

– Эй, Кошка, недовольна? – крикнул Шустрик. – Хочешь, задницами махнёмся?

– Мне своя больше нравится.

– И мне тоже, – охотно согласился Шустрик.

Кошка решила не уточнять, о какой из двух возможных идет речь.

– Ну ни хрена себе Мик дает! – восхищался Шустрик. Вертолёт кружил над ними уже минут десять, словно пёс на поводке: заметят, считай себя покойником. – Вот, где наши сотенки!

– А если в винт камнем? – предложил Лох.

– А если по ушам? – спросил Шустрик.

Кошка покосилась на Улыбку – тот, казалось, дремал, прикрыв лицо локтем. Сорвала травинку и сосредоточенно пощекотала подбородок капитана. Тот отмахнулся лениво – раз, другой – потом угол его рта пополз вверх и, не раскрывая глаз, Улыбка попытался перехватить кошкины пальцы – та едва успела отдернуть руку. Шустрик наблюдал за ними, положив подбородок на сложенные друг на друга кулаки. Вдохнул:

– Чисто дети!

И немедленно уполз щекотать уснувшего Арнольда.

– Извини, Улыбка, – проныл Арнольд. Он сидел, прислонившись спиной к стене, и уныло смотрел на свои длинные вытянутые ноги. Четверо стояли перед ним и хмуро взирали на них же. Ноги до колен были заляпаны синей краской Арнольд вломился в «ведьмин студень».

– Так, – сказал Улыбка и, вскинув руку, посмотрел на часы. – Ноги до колен парализованы. Если за полчаса не доставим к костоправу, Арнольд загноётся.

Кошка поглядела на кислые рожи сталкеров. Возвращаться никому не хотелось – Игра всего ничего, а тащить на себе громадного Арнольда, да ещё с риском попасть в ловушку или напороться на полицейских и загреметь на несколько часов в тюрьму или мертвятник... Шустрик присел было на край стены, но увидев обращённые на него взгляды, подскочил, как ужаленный, хватаясь за тощую задницу.

– Ое-ей! Волдырь лопнул!

Лох с удовольствием зафыркал. Улыбка поглядел на свою команду, на дорогу назад, пощурился на солнце и сказал:

– Ну, Лох отпадает...

Хоть и с неохотой, все согласились: для того, чтобы тащить Арнольда, нужно три таких Лоха.

– Спички у кого есть? Будем тянуть, – сказал Шустрик.

– Кто гаечку дальше кинет, тот и остаётся.

– Ну да! – заныл Шустрик. – Сам так целый месяц тренировался, а теперь нас строишь!

– А тебе кто не давал?

Впрочем, кинул Шустрик вполне прилично. Кошка смерила взглядом расстояние, вздохнула и бросила тоже. Оба смотрели на капитана. Улыбка повертел задумчиво в воздухе гаечку – и тоже кинул.

Смотреть пошли Улыбка с Шустриком. Кошка глядела на смиренно помалкивающего Арнольда и прикидывала, как его придётся тащить –

волокушу, что ли, делать? Улыбка нёс гайки за разноцветные ленточки, словно рыбий улов. Шустрик корчил неприятные рожи.

– Наловчилась, – злобно сказал Кошке и обратился к Арнольду – ну что, болезный, может, сам поползёшь?

Улыбка кивком подозвал Лоха, развернул карту.

– Пойдёте по этому маршруту. Здесь обращайтесь внимание на трещины. Кошка, смотри! Основное направление – на ту трубу.

– Какую? – хмуро спросила Кошка. Она не верила, что кинула гайку дальше всех, но больше не хотела выставлять себя подозрительной душой. – Их же тут до едрени фени...

– Вон та, с мозаикой. Там ждите нас. Часа через два должны обернуться.

– А если нет?

– Действуйте, как знаете.

Остающиеся помогли взвалить Арнольда на плечи – тот только вздыхал с подчёркнутой виноватостью.

– Найдёте Золотой Шар, – крикнул Шустрик напоследок, – пожелайте, чтоб Арнольд скинул килограмм тридцать!

Они провожали взглядом парней, ссутулившихся под тяжестью Арнольда – его ноги волочились по земле, иногда конвульсивно подёргиваясь, словно желая помочь, и вновь замирали.

– Они что, так его и потащат до самого конца? – с ужасом спросил Лох.

– А то! Играть так играть...

Кошка уже который раз оглянулась и остановилась. Притомившийся, а потому наконец заткнувшийся Лох немедленно рухнул на остаток железобетонной плиты.

– Привал?

Подпрыгнув, Кошка подтянулась на заржавленной лестнице и внимательно взглядела в тропинку. Спрыгнув, вытерла пыльные ладони о пыльные же штаны и сказала, не слишком повышая голос:

– Может, хватит в «догоняшки» играть? Выходи!

Лох подскочил:

– Кто? Где?

– Держись подальше... – вполголоса приказала она. Из-за железнодорожной насыпи медленно поднялся парень, постоял, глядя на них. Развёл руки, демонстрируя открытые ладони, и медленно пошёл к ним. Перепачканные джинсы, серая куртка, серая маска, рюкзачок за левым плечом, на ремне болтаются гайки.

– Привет! – сказал, останавливаясь на дипломатическом расстоянии. – Можно мне с вами?

– А ты кто?
– Ланс.
– Оружие есть?
– Я сталкер мирный, – сказал Ланс, снимая куртку и встряхивая её.
– Пусть парень меня обыщет.
По кивку Кошки Лох неуверенно приблизился, принялся охлопывать Ланса по бокам, ногам... тот поглядывал на него сверху дружелюбно и говорил Кошке:
– Сигурд на первой же «сковородке» спек-с... Ну всё? «Кулуарка» у меня за левым голенищем, можешь забрать...
– У кого карту брали?
Ланс хохотнул:
– У Стервятника, кого ж ещё! А мы, когда с Сигурдом узнали, что вы сюда идёте, думаем, дело верняк! А где ваши?
– Догонят, – хмуро сказала Кошка. Брать с собой Ланса не хотелось, но держать его за спиной...
– Хабар у нас поровну.
– Это ясно, – согласился Ланс. – Вот...
Он взялся за мешок, услышав приказ «медленно», успокаивающе кивнул. Преувеличенно тщательно начал развязывать и доставать из мешка хабар. Потом вытряхнул на землю «джентльменский набор»: банку сгухи, кружку с ложкой, белую повязку «мертвеца». Кошка ногой разгребла хабар: зуда, браслет, батарейка...
– Делим на троих, остальное – по дошедшим, – Ланс задрал голову. – Ну, берёшь?
– Идём.
Спрыгнув, она свернула карту.
– Держитесь правее. Там на пригорке «комариная плешь».
– Там? – показал Лох.
– Да. Иди по стенке.
Лох послушно вспрыгнул на развалины стены, прошёл, балансируя, свернул за угол и скрылся из виду. Кошка вскарабкалась следом. Старые кроссовки чутко ощущали все впадины и выбоины, словно босые подошвы. Задержавшись на углу, оглянулась. Ланс стоял на стене, заглядывая вниз.
– А где плешь-то? Хоть посмотреть...
– Вон...
– Вот эта?
Кошка сделала несколько осторожных шагов назад.
– Видишь проплешину на пригорке?
– Где?
– Да вот же!

Дойдя до Ланса, Кошка наклонилась, показывая «выбритый» пригорок. Сталкер повернулся, качнулся, теряя равновесие, толкнул плечом Кошку – и та приземлилась на четыре кости прямехонько на «комариновую плешь».

– Ну чего вы там? – спросил Лох, вновь появляясь на стене. Ланс стоял и, почесывая подбородок, смотрел вниз на Кошку.

– Кошка влипла, – сказал задумчиво.

– Во блин!

– Ну. Свалилась прямо на плешь. Одно мокрое место осталось...

Кошка медленно села, машинально отряхивая руки и колени. Поглядела на стоявших на стене парней. Лох, стараясь не смотреть на неё, спросил:

– Ну и что дальше?

– Хоронить там нечего. Пошли.

– А куда?

– Куда... Эй, а где карта?

– У неё была.

Ланс с досадой выругался.

– Ну хоть примерно дорогу знаешь?

– Вроде на ту трубу надо выйти...

– Пошли на ту.

Продолжая вытирать руки о коленки, Кошка молча проводила их взглядом. Ланс оглянулся напоследок. Иди-иди... сталкер. Кошка легла спиной прямо на мягкую землю. Ногу за ногу стянула кроссовки. Пошевелила приятно попрохладневшими пальцами. Особо обидно не было, хотя она не ожидала попасть в трупятник так скоро... Заложив за голову руки, уставилась на медленно плывущие облака. А всё-таки нужно доверять чутью – не надо было брать с собой Ланса. Может, у него роль такая – мочить сталкеров-конкурентов? Под Стервятника косит... Лоха жалко. Или пацан ему не помеха? А вот с картой он прогадал...

На душе становилось все гадостней и гадостней. Игра – дело личное – и в пределах собственной роли ты можешь быть героем или подонком – как тебе в данный момент или вообще по жизни хочется. Только нарываться на второго отчего-то всегда неприятно... Это от привычки к командной игре. Раньше ты всегда была готова к бою и обороне...

Кошка села, натянула кроссовки, вытащила из кармана традиционный бинтик для белой повязки мертвеца – чтоб было видно издалека, что не стоит резать уже убитого, да и разговаривать себе во вред: уволокёт с собой в Страну мёртвых...

Кошка пошла, не разбирая, через кусты до хорошей дороги, которая когда-то называлась Доменной. Ветер, как обленившийся футболист, гонял туда-сюда листья, по асфальту змеились глубокие трещины.

Кошка стянула маску, вытерла ею лицо и вертя её на пальце, неспешно побрела в мертвятник... Мандос, как с первых ХИ традиционно называли владыку Страны мёртвых, встретил Кошку брюзгливо.

– Имя? – спросил хмуро, раскрывая уже порядком исписанную тетрадь.

– Кошка, – покорно сказала Кошка.

– Время смерти?

– Тридцать пять минут назад.

Мандос, шевеля губами, сделал сложный расчёт.

– Причина смерти?

– Комариная плешь.

– Иди, – Мандос мотнул головой. – Дрыхни.

Бодрствующие трупы встретили Кошку с полуслорадной приветливостью: если уж Кошка залетела в мертвятник в первую половину Игры, то им и сам Бог велел... Она рыскнула взглядом, своих не обнаружила и опрокинулась на свободную «пенку». Сосед, не прерывая игры в карты, мотнул бритой головой.

– Твои были.

– Кто?

– Арнольд с Улыбкой.

– А Шустрик?

– Арнольд, говорю, с Улыбкой... что ложишь, что? Арнольд от студня сдох, мужики напоролись на копов. Улыбку подстрелили. Шустрик удрал... ну куда, куда, глаза-то разуй!..

– На то он и Шустрик... – пробормотала Кошка и обнаружила перед собой раскрытую банку сгухи. Рыжий желтоглазый парень присел рядом с ней по-турецки.

– От нашего стола вашему столу... – он махнул рукой в сторону валявшихся с голыми торсами трупов – те вяло пошевелили верхними конечностями. – Твои велели передать тебе пиво – сказали, что скоро загремишь к Мандосу – но мы его оприходовали. Так что извини... Нам через полчаса выходить. Кипяток в ведре. Мандос с глубокой похмельюги злой и не кормит. Где попалась-то?

– На Плеши.

Парень уважительно присвистнул. Свист получился звонким и переливчатым. Труп, пластом лежавший неподалеку, поднял голову, пробормотал злобно: «Из могилы подымут, падлы...» По свисту Кошка узнала – Крис с Вольных Охотников.

– Без карты, что ли?

– В том-то и дело, что с картой... – пробормотала Кошка, открывая прижатую крышку сгущёнки. В уме заново раскручивалась сцена на стене. Вот она подходит, наклоняется, Ланс разворачивается, из-под

ног падают крошки цемента, взмах левой рукой... толчок правой, несильный, вскользь... Вот теперь лежи и думай – случайно-неслучайно... Кошка задумчиво лизнула с ложки сгуху.

Крис явно переотдыхал – так и подпрыгивал от нетерпения, как маленький мяч – яркий, рыжий, упругий.

– Карту, поди, у Стервятника брали? Он, говорят, специально сталкеров на ловушки выводит. А слыхала, кто-то на границе Зоны рэкетом занимается? Сидят, ждут, когда сталкер с хабаром выйдет, раз-два – и готово... Много нашли?

– Да чего теперь... – сказала Кошка. Заметив её движение, Крис достал и прикурил две сигареты, отдал одну Кошке и стал рассказывать, как Вольные Охотники втроем загремели под смерть-лампу. Кошка облизывала ложку, запивая чуть тёплым чифиром, слушала вполуха, поглядывая на сутолоку в трактире напротив. Прищурилась. Похоже, мелькнул Шустрик. На Игре зрение почему-то резко обострялось, и очки ей были практически не нужны. Точно, Шустрик. Лавируя между посетителями, он вылетел из-под брезентового навеса кабака, прижимая локтем какой-то свёрток. Мельком глянув на мертвятник, понёсся было дальше. Остановился на ходу, обернулся, вглядываясь. Кошка кивнула. Шустрик вскинул руку – помахать, спохватился и почесал затылок. Постоял, соображая, схватился за голову, изображая вселенскую скорбь, и пошёл дальше, но уже гораздо медленнее, оглядываясь на ходу. Кошка невольно начала улыбаться и наконец ощутила вкус сгущёнки.

– Охотники! – гаркнул Мандос. – Свободны!

– Пока, Кошка! – радостно сказал Крис, вскакивая. – Ни пуха тебе...

– К черту! – напутствовала Кошка, доскребая последнюю ложку. Улеглась на спину, задирая на животе майку. Не обгореть бы на солнце, хоть бабье, но всё же лето...

– Ну привет! – сказал он. – Долго же ты добиралась!

Кошка остановилась на приличном расстоянии, раздумывая, почему она совсем не удивилась при виде Ланса. Он сидел на стене, мотая ногами, и с явным удовольствием разглядывал её.

– Где пацан?

– В порядке ваш Лошонок, не бойся, – усмехнулся он. – Я его в кабак с хабаром послал.

– А сам остался организовать мне торжественную встречу? Или снова торжественные похороны?

– У меня есть карта с расположением Золотого Шара, – сообщил Ланс, спрыгивая со стены.

– Надо же, как тебе повезло.

– А перед Шаром стоит мясорубка.

– И что?

– А передо мной стоит отмычка. Сейчас её возьму и пойду Золотому Шару.

– А есть ещё такая птица, – сообщила ему Кошка словами Шустрика. – Называется Обломинго...

Он прыгнул. Кошка тоже, но недостаточно быстро. В миковских играх допускается физическое насилие – когда оно не переходит в мордобитье. Оно и не дошло. Ланс просто выкрутил руку Кошки, упираясь коленом в её спину и разговаривая вполне доброжелательно, искал в карманах веревку.

– Нет, ты скажи, зачем вы, бабы, лезете в мужские игры? Ну играй в салоны, в ХИ, наконец, что ты сюда-то лезешь? А раз лезешь – терпи! – он повыше заломил кошкин локоть, она чуть не взвыла, хватанув губами пыль с земли. Отплеываясь, скосила взгляд:

– Ты всех баб так не любишь? Или только мне... честь такая?

– А ты что думала – всех умнее, да? – сказал он, почти касаясь губами её уха. – Всех круче, да? Ты у меня на этой игре из мертвятника не вылезешь! Поняла?

Локоть пошёл ещё выше. Кошка поняла. Поняла только сейчас – плевать ему на Игру. Плевать ему на всё – кроме неё и себя. Он и на Игру приехал, наверное, только из-за неё... Что-то доказать – ей, а в первую очередь себе...

И с силой выбросив через плечо руку, вцепилась когтями ему в шею.

Когда он наконец поднялся, Кошка стояла в трёх шагах от него, сжимая в руке обломок кирпича. Её трясло – от ярости и страха, – но пальцы впились так, что кирпич стал просто продолжением руки.

– Ну, – сказала она, едва шевеля онемевшими губами, – ну, иди сюда. Иди.

Пот и кровь с рассечённой брови стекали на глаза, но она старалась не моргать, потому что боялась пропустить, когда он шагнёт вперёд. От скачущего в горле сердца и хриплого дыхания он как будто качался, казался то ближе, то дальше... Он шагнул, и она сделала шаг в сторону – длинный осторожный стелющийся шаг, удивившись мимолетно, что подкашивающиеся ноги ещё её слушаются. Они кружили и кружили – Ланс говорил что-то, но Кошка уже не слушала и только повторяла тихо и неспешно, одним дыханием, словно гипнотизируя себя или его: иди, иди...

Ланс услышал первым. Его взгляд метнулся влево-вправо, он выпрямился, отступая, и медленно выдохнул – облегченно? – Кошка, не веря, не спешила повернуть голову, но наконец услышала тоже. Шаги и голоса приближались, из-за угла вывернули её парни.

– Ого, Кош... – возопил Шустрик и смолк, уставившись на застывшую в полуприседе Кошку с кирпичом в руке. Парень, стоявший напротив, отшагнул ещё раз, сказал оживлённо:

– Ну привет!

Шустрик шагнул мимо:

– Кошка... ты что?

Арнольд медленно опустил на землю сумку и посмотрел на Улыбку. Тот, едва взглянув на Ланса, наблюдал за Кошкой. Ланс хмыкнул, развёл руками:

– Вот... хотел вашу Кошку в плен взять. Бешеная она у вас какая-то!..

Капитан опустил глаза, разглядывая землю под ногами. Шустрик повернулся к Лансу.

– В плен? В плен, да?

Арнольд прошёл мимо, осторожно положил руку на кошкино плечо – и она только сейчас ощутила судорогу, сковавшую её плечи и руки, и осторожно вздохнула. Всё ещё глядя в землю, Улыбка задумчиво сделал шаг, другой, и вдруг молча кинулся на Ланса. Кошка ещё успела услышать чей-то вскрик, как Арнольд круто развернул её в противоположную сторону и, прижимая к твёрдому боку, потащил за собой, приговаривая:

– Идём, Кошка, идём, котёночек... Всё хорошо, да, котёнок?

Увёл за угол цеха, усадил, пожал плечо, не зная, что сказать. Пробормотал неловко:

– Схожу посмотрю, ладно?

Кошка тупо взглянула на мгновенно появившегося перед ней Шустрика. Сев перед ней на корточки, тот суетливо искал что-то в карманах.

– Вот с-сука... на, затынись... – он сунул в левую руку Кошки сигарету – та выпала. Шустрик тут же достал другую, прикурил от своей и осторожно вставил в распухшие губы Кошки. Кошка послушно затаилась, закашлялась, взяла сигарету трясущимися пальцами – безмянным и мизинцем, оберегая разбитые костяшки. Шустрик меж тем занялся её правой рукой, пытаясь разжать пальцы:

– Ну всё-всё, отпусти его...

Кошка с недоумением взглянула на свою руку, как на чужую, и кирпич тупо ухнул в землю. Шустрик метнулся до угла, постоял, вытянув шею. Вернувшись, вновь сел на корточки.

– Он что, больной, да? Ненормальный?

Кошка сморщилась, облизала солёные губы.

– Нет, – сказала – ему или себе. – Он нормальный. Вполне. На Игре мы такие, какими хотим быть. Какими разрешаем себе быть. Крутой мужик Ланс, которому когда-то – сама не помня когда и где –

перебежала дорогу Кошка, и который не смог ни себе, ни ей этого простить. Если он и болен, то только мной...

Она подняла глаза и стала смотреть на небо, чтобы не смотреть на подошедшего Улыбку. Он сидел перед ней на корточках и молчал. Хорошо, что он ничего не говорил и не дотрагивался до неё – потому что бы тогда она постыдно и безудержно разрыдалась...

– Пошли, – наконец сказал Улыбка. – Шустрик нашёл Золотой Шар.

– Ну что, будем брать? – деловито спросил Шустрик. – Вчетвером мы его вмиг замочим...

– Погоди.

– Да чего годить? Говорят, эти ученые психи на подходе, а они собираются рвать Шар к чертям собачьим...

– Подожди, – сказал Кошка. – Так нельзя.

– Что нельзя? Как?

– Нельзя брать его грязными руками. Шустрик. Вот представь – замочишь ты этого бедного парня, придёшь к нему, весь такой крутой и... шустрый и скажешь: «Хочу!» И представь – только представь – что он тебе выдаст?

Шустрик смотрел на неё, сморщившись, и мрачнел прямо на глазах. Похоже, представлял.

– Если бы я его первой нашла, я бы, наверное, тоже начала всех отстреливать...

Шустрик хмуро посмотрел на Улыбку.

– Знаешь, – спокойно сказал он. – А ведь она права.

Заматерившись длинно и цветисто, Шустрик сплюнул:

– Вечно вы... всю Игру обломали! Какую Игру! Раз в жизни, нет, раз в жизни, а тут вы... ну что вылупились? Пойду хоть науку не подпущу!

Ругаясь и поскальзываясь на осыпавшихся камнях. Шустрик выбрался наружу. Было слышно, как, не скрываясь, он идет вниз, покрикивая на ходу:

– Эй, братан, не стреляй, разговор есть!

Кошка с Улыбкой переглянулись. Вот за это я тебя и люблю, думала она. Арнольд длинно вздохнул и молча полез наружу.

– Ну что, пошли? – негромко спросил Улыбка. Как-то очень нерешительно. И так же нерешительно протянул руку.

Светлане довелось прочитать кучу дамских романов и вволю похихикать над историями о любви и страсти безумной и прочими женскими мечтаниями...

Прикосновение пальцев было как удар. Как взрыв. Только мгновение назад они были врозь, – а через миг, ошеломлённые, – вместе, рядом, сплетённые объятиями, прикосновениями, поцелуями,

и не было места словам, только бессмысленному шёпоту, губам, рукам, шелесту одежды...

Последними сорвали маски.

Она вышла на трассу, проходящую вдоль завода. Поглядела в обе пустые стороны. Это раньше здесь было очень оживлённое движение, а сейчас ей ничего не светило – разве что «маршрутка» часа через три или какой-нибудь не слишком упёртый дачник поедет домой не в воскресный, а в субботний вечер... Кошка пошурилась на садящееся солнце, перекинула через плечо сумку и зашагала к видневшимся на горизонте туманным домам города. Она шла, разгребая ногами негусто ещё нападавшую листву – листья шуршали и пересыпались, наплывало что-то детское, далёкое...

По пути оглянулась только раз – на хлопки взлетевших над комбинатом ракет: Игра закончилась. «Игра окончена, спрячь в ножны свой клинок. Закончен бал, гасите свет, тушите свечи...»

Шум машины был слышен издали. Кошка обернулась, прищурилась – машина, приближавшаяся к ней стремительно и мощно, к маханию рукой не располагала – а то, как в том анекдоте, морду набьют: «Ты где, сука, "шашечки" увидела?» Джип, однако, плавно снизил скорость и остановился перед отступившей Кошкой.

– В город? – осведомился водитель. – Садись, подвезу.

– У меня только десятка, – на всякий случай сказала Кошка.

– Да садись ты! – раздражённо сказал водитель.

Кошка уселась на переднее сиденье («Маша, не садись в машину к незнакомым дяденькам!»), кинула в ноги сумку и, посмотрев на плавно наплывающую дорогу, оценивающе взглянула на водителя. Совсем молодой мужик, лицо хмуроватое, похоже, не выпавшийся, и, похоже, мало обращающий внимание на свою пассажирку. Только похоже. Потому что, не отрывая глаз от дороги, поднял руку и повернул к Кошке зеркало заднего вида. Кошка взглянула и начала тереть щёку.

– Что, носом землю копала? – хмыкнул парень.

– Ну...

Похоже, он принял её за нетерпеливую дачницу, не дождавшуюся автобуса. А сам? На садовода-огородника он походил мало, да и, судя по внешности и машине, находился в том счастливом возрасте, когда на урожай и на дачу было категорически плевать. Кто-то из игроков? А чего он так сорвался? Судя по вчерашнему вечеру в Перекрёстке, игроки были не против провести сегодняшний так же. Да ещё и Игра закончилась неожиданно быстро, и никто не собирался домой.

В дружном молчании – похоже, парень тоже был не в настроении поддерживать беседу – они доехали до города.

– А вам куда? – с надеждой спросила Кошка: в ней внезапно включился режим жесткой экономии – отдать десятку, да ещё двушку в трамвае за несколько остановок, которые она явно была не в состоянии проковылять самостоятельно – казалось ей сейчас просто кошунством.

– Под мост.

– И мне под мост, – согласилась Кошка. Джип нырнул под мост и плавно тормознул на перекрёстке. Кто-то возмущённо засигналил. Кошка, не глядя, показала средний палец, услышала фырканье водителя и, спохватившись, спрятала руки под себя. Рассеянно поглядывая по сторонам, вдруг встрепелась. У дома напротив элегантный мужчина в сером плаще, опершись о дверцу, вручал букет роз женщине, сидевшей в чёрном «мерсе». За что и был удостоен благодарственного поцелуя в щёчку. Ах ты... Кошка, не раздумывая, вылетела из джипа, услышав за спиной: «Ты куда?..» И с лёту врзалась в помахивающего рукой мужика, припечатав его к стене рядом с дверью подъезда.

– Денег, значит, на сапоги дочери у тебя нет, а сотню на букет для твоих блядей у тебя запросто! – выпалила в лицо своего бывшего мужа, для убедительности встряхивая его чуть ли не на каждом слове.

– Светка!.. ты что, взбесилась?.. она не... Светка, да отцепись ты!

Роман был мужиком не хлипким, но оторвать сейчас её пальцы от своих лацканов был не в состоянии. Бывшая жена шипела ему в лицо, как змея:

– Денег, значит, не платят? В долгах, как в шелках, да?

– Свет, да успокойся ты! Ты же знаешь, у нас зарплату уже полгода...

– Да насрать мне на твою зарплату! Где машинки алименты?

– Эй, братан, помощь не нужна? – услышали они радостное. Света оглянулась, и, воспользовавшись этим, Роман стряхнул с себя её руки. Поправил сбившийся набок галстук. Щуплый тип, прислонившийся задом к машине, почтения не внушал – Роман открыл было рот, но разглядев марку, решил промолчать – чем чёрт не шутит...

– Отдам я тебе всё! – сказал с досадой. – Ну что ты, как маленькая, ей-богу! Вот дадут зарплату...

Светка отступила, измеряя его взглядом. В чёрных запylённых джинсах, чёрной водолазке, с растрёпанными волосами, с подсохшей ссадиной на губах, царапиной на обострившихся скулах... Такого он от неё не ожидал – ну просьбы, ну слёзы, ну скандалы, но чуть морду ему не набить... И глаза, как у дикой кошки... Приняла, что ли, для хабрости, и приехала со своим екарем разбираться?

– Слушай, – сказала она – уже совсем спокойно. – А знаешь, что сейчас бывает за сокрытие доходов?

– А? Ты о чём? – он вновь, уже ненужно, поправил ворот рубашки и галстук.

– Если, допустим, кто-нибудь позвонит – знаешь, сейчас анонимные звонки принимают – и подскажет, где и кем работает оформленный сторожем Роман Сергеевич Горещкий, а?

– И что будет?

– Ничего, родной мой. Ничего, кроме неприятностей, тебе не будет.

Он не стал ничего доказывать или убеждать, потому что не знал, как вести себя с этой взбесившейся кошкой. Потом он придумает...

– Деньги переведёшь на машин счёт, – сказала его бывшая, влезая в гостеприимно распахнутую дверь джипа. – За восемь месяцев, не забудь!

– Я не найду сразу такую сумму, – вяло сказал он. Светка рассмеялась ему из машины смехом булгаковской Маргариты.

– В понедельник! – и эффектно хлопнула дверью. Ейный хахаль оторвал задницу от капота и, сказав радостно:

– До встречи, земляк! – сел за руль, на прощание отсалютовал пальчиками.

Кошка скользнула взглядом по унылой физиономии бывшего мужа – чего доброго, от озадаченности ещё и заплатит... Спрятала под себя трясущиеся от злости руки.

– Теперь куда? – спросил водитель. – Домой?

Кошка кивнула, рассеянно глядя перед собой.

– Муж? – небрежно поинтересовался он.

Кошка опять кивнула. Сказала с отвращением:

– Бэ/у.

– Ничего, мужик видный, – великодушно заметил водитель.

Кошка поглядела с яростью:

– Не понимаю! – сказала с отвращением. – Ну мало ли как ты с женой! Но ведь с ней остаётся ребёнок! Твой ребёнок! Что ж вы носитесь от него по всему свету, как чёрт от ладана!

Парень хмыкнул неопределённо, благоразумно не пытаясь отвечать за всю сильную половину человечества. Завернул к её подъезду Кошка завозилась было, разыскивая по карманам червонец, но парень махнул рукой:

– Машке мороженого купишь.

– Ну тогда спасибо большое.

Он поглядел, как Кошка вылезает из машины и сказал неожиданно:

– Меня Саней зовут.

Она глянула настороженно.

– Спасибо... Саша.

Он вновь хмыкнул, уже веселее:

– Пока.

– До свидания.

Кошка кивнула уставившимся на неё соседкам, услышала за спиной шум отъезжающей машины и, только войдя в подъезд, поняла, что не говорила Сане свой адрес. Замедленно возилась с почтовым ящиком – ну надо же, успела раньше почтовых воров! – соображая, кто это был... Господи, Шустрик! Шустрик такой – без приколов, без подначек, хмуроватый, молчаливый... Шустрик на джипе! Вот тебе и маски, вот тебе и инкогнито! Они все давно про тебя знают, ещё, поди, на улице каждый день сталкиваемся! Посмеиваясь и качая головой, она открыла гремящую дверь и, поставив сумку, огляделась. Отсутствовала всего-то один день, но как будто вернулась из другого мира. Как всегда после Игры всё казалось немного чужим и непривычным.

Не разбирая сумку, она вошла в ванную и медленно раздеваясь, глянула в зеркало. Остановилась с полустянутой с рук водолажкой. Придвинулась, рассматривая себя с серьёзным недоумением. Сияющие глаза, светящаяся изнутри, несмотря на пыль и ссадины, кожа... Господи, и это – секс, любовь в каком-то полуразрушенном складе с полузнакомым, в сущности, мужчиной, к которому испытываешь странные полузабытые чувства... И это она, не мыслящая секса без белых простыней и чистых, пахнущих только мылом тел...

Ероша мокрые волосы, она вышла на кухню, машинально включая чайник. Выглянула в окно. Нет, за Машкой она сегодня не поедет. Сейчас завалится и спать, спать, спать...

Загрузившийся компьютер требовательно запищал, и у неё ухнуло сердце. Медленно, очень осторожно, словно стараясь остаться незамеченной, она подошла к столу и так же медленно, почти нехотя, нажала ввод.

– Почему ты ушла? – спросил он.

Испугалась, честно призналась она. Испугалась того, что случилось. Испугалась того, что ушло. Испугалась того, что будет.

Она наклонилась и, наполовину веря своим словам, напечатала:

– Это Игра. Просто Игра. Только Игра. И для тебя – Игра.

Долгая пауза. Ответа не будет...

– Не решай – за меня.

Она стояла у окна, рассеянно водя пальцем по стеклу, не видя быстро синеющего вечера, и чувствовала себя по-дурацки, побестолковому счастливой...

Библиография

Просто игра... : [рассказ] / Наталья Колесова // **Люди в квадрате** : проза «Контакта» / сост. Н. Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 95–126.

Просто игра... : [рассказ] / Наталья Колесова // Реальность фантастики. – 2006. – № 5. – С. 64–89.

Просто игра... : [рассказ] / Наталья Колесова – в Интернетe:

на сайте RuLit

<http://www.rulit.me/author/kolesova-natalya/prosto-igra-download-free-37351.html>

на сайте Электронная библиотека RoyalLib.Com

http://royallib.com/author/kolesova_natalya.html

на сайте Fantasy Read

<http://fanread.ru/author/755319>

на сайте Cool Lib (КулЛиб – классная библиотека)

<http://coollib.net/a/30795>

на сайте Lib.ru: Журнал «Самиздат»

http://samlib.ru/k/kolesowa_n_w/prostoigra.shtml